

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

А. В. ПОСТАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета,
ул. Академическая, 25, 220072, г. Минск, Беларусь

Приводится социологический анализ роли средств массовой информации в процессах дестабилизации социально-политических систем на примере изучения конфликтогенного поля постсоветского пространства. Рассмотрены вопросы формирования в социологической теории концепции дестабилизации, которая дополняет классическую теорию революции, основанную прежде всего на обязательной детерминации революционного процесса, экономическими факторами. Эмпирически проверена гипотеза С. Хантингтона о ценностных ориентациях и культурных различиях как источниках возникновения инвариантных форм конфликтности в современных условиях развития общества.

Ключевые слова: средства массовой информации; трансформация; дестабилизация; ценности; революция.

MEANS OF MASS INFORMATION AND DESTABILIZATION OF SOCIETY: THE ASPECTS OF INTERRELATION

A. V. POSTALOVSKY^a

^aCenter for Sociological and Political Researches, Belarusian State University,
25 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article is devoted to the sociological analysis of the role of mass media in the processes of destabilization of socio-political systems on the example of the study of the conflict-prone field of the post-Soviet space. The questions of formation in the sociological theory of the concept of destabilization, which complements the classical theory of revolution, based primarily on the mandatory determination of the revolutionary process of economic factors. Hypothesis C. Huntington is empirically tested. on the hypothesis of value orientations and cultural differences as sources of invariant forms of conflict in modern conditions of society.

Key words: mass media; transformation; destabilization; values; revolution.

В современную эпоху развития информационно-общества и существенного влияния информационно-коммуникационных технологий на ценностные ориентации и жизненные установки личности особую значимость приобретают вопросы сохранения (поддержания) стабильного функционирования

социально-экономических систем. Неупорядоченные потоки воспроизводства и распространения массовой информации, а также возрастающая популярность сетевых ресурсов формируют в своем содержании вызовы в адрес стабильности социума и угрозы для ее сохранения. Формирование кли-

Образец цитирования:

Посталовский АВ. Средства массовой информации и дестабилизация общества: аспекты взаимосвязи. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:45–51.

For citation:

Postalovsky AV. Means of mass information and destabilization of society: the aspects of interrelation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:45–51. Russian.

Автор:

Александр Владимирович Посталовский – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Alexander V. Postalovsky, PhD (sociology); leading researcher.
postalnio@tut.by

пового сознания как формы адаптации к значительным объемам информации, распространяемой в сетевом пространстве, привело к снижению критического и аналитического усвоения информационного контента. В указанных контекстах средства массовой информации и социальные медиа перестали быть просто инструментом информирования личности о повседневных и происходящих в стране и мире событиях. Информационные ресурсы в данном случае выступают в качестве формы воздействия на конечные поведенческие реакции индивидов с последующим управлением общественным мнением в отношении конкретных событий и социальных фактов.

В указанных контекстах управление информационным воздействием, в частности негативным информационным контентом, создает условия для возникновения состояния дестабилизации общества. Дестабилизация представляет собой «комплекс технологий, направленных на приведение социальной системы в нестабильное состояние, результатом которого выступает коллапс существовавших ранее социальных норм и отношений, приводящий к полному радикальному изменению структуры социальной системы или к неупорядоченному конфликтогенному ее состоянию» [1, с. 63].

Как показали примеры социально-политических конфликтов последнего десятилетия, произошедших на постсоветском пространстве («сиреневая революция» в Молдове 5–12 апреля 2009 г., «дынная революция» в Киргизии 6 апреля – 15 июня 2010 г., Евромайдан в Украине 21 ноября 2013 г. – 23 февраля 2014 г., «бархатная революция» в Армении 13 апреля – 8 мая 2018 г.), активное применение ресурса СМИ и социальных медиа привело к эскалации конфликтогенности. По мнению Л. Х. Ибрагимова, именно «с развитием информационно-коммуникационных технологий и становлением глобального общества усилилась роль экзогенных факторов, способных привести к дестабилизации политического режима. Современные коммуникационные технологии позволяют различным внешнеполитическим акторам дестабилизировать политическую ситуацию в необходимом регионе мира посредством искусственной дестабилизации действующей власти» [2, с. 25]. Описанные тенденции выступили источником формирования исследовательского поиска феномена дестабилизации как принципиально новой стадии цикличного функционирования общества в период социально-политических противоречий.

В социологической теории изучение стабильного функционирования социальных систем нашло отражение в работах Н. Лумана, Т. Парсонса, К. Дэвиса, Д. Истона. Фундаментальные труды классиков теоретического социологического знания посвящены аспектам достижения линейного равновесия системы, предполагающей социальное благообразие и интегративный порядок внутренних взаимо-

связей системы. При этом представителей системной теории отличало идеалистическое восприятие функционирования общества, которое в их концептуальных трудах выступало в качестве бесконфликтной модели социума. Данный недостаток системно-стабильной модели, равно как и склонность современного общества к конфликтам, противоречиям и дестабилизациям, отмечают в своих трудах Р. Дарендорф, Л. Козер, Р. Мертон, П. Сорокин. Социальная система имеет как явные, так и латентные дисфункции (инвариантная форма дестабилизации) в интерпретации Р. Мертона, равно как социальные конфликты являются естественным состоянием общества (Л. Козер). Разрешение конфликтной ситуации обязательно приводит к последующей трансформации общественной системы, переходя на новый уровень развития (Р. Дарендорф). Также заслуживают внимания труды специалистов М. С. Ельчанинова, А. И. Пригожина, И. Стенгерса в области синергетики, рассматривающей такие вопросы, как самоорганизация социальных систем, формирование структурного порядка посредством преодоления хаотичного движения сегментов и общетеоретические аспекты стабилизации или дестабилизации системного состояния общества.

Формирование теоретико-методологического инструментария социологии дестабилизации и применение ресурса СМИ для нарушения стабильности состояния политических систем являются научно-теоретическим развитием концепции революции как радикальной формы трансформации общества. Если революция в классическом понимании выступает закономерным итогом исторического процесса и смены общественно-экономических формаций, то дестабилизация представляет собой комплекс организационно-технических мер, в том числе и акцентированного негативного информационного воздействия на сознание и поведенческие установки личности в условиях, когда видимых предпосылок для наступления революции не существует. Дестабилизация – это процесс умышленного приведения общества в неупорядоченное состояние, результатом которого являются социально-политические катаклизмы и иные девиации. Как отмечает И. В. Лиханова, «политическая нестабильность (дестабилизация), в отличие от неустойчивости политической системы, выражает кризисные ситуации иного порядка, необязательно сопровождающиеся логикой или преобразованием наличной политической системы, а скорее с серьезной перегруппировкой сил (например, правительственный кризис, вызванный внезапной сменой кабинета министров), <...> неустойчивость означает, что система при внешних воздействиях переходит в другое состояние» [3, с. 12].

Обязательным теоретико-методологическим элементом теории революции выступала экономическая детерминация революционного процесса. Эко-

номический кризис, неспособность государственного аппарата удовлетворить жизненные потребности населения, изменение форм собственности, условий труда – все эти аспекты в то или иное время оказывали воздействие на формирование революционного процесса. Дж. Голдстоун, изучая динамику революции, выделил условия для возникновения революционной ситуации: «Когда совпадают пять условий (экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка), обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия» [4, с. 39]. Однако, как показали результаты цветных революций, на постсоветском пространстве в 2003–2018 гг. кризисное состояние экономики далеко не во всех случаях являлось фактором дестабилизации политических режимов. Более того, революции происходили в государствах, характеризующихся относительно стабильным положением в экономической сфере (Грузия – в 2003 г., Украина – в 2004 г., Кыргызстан – в 2005 г.).

В указанных контекстах происходит содержательный пересмотр классической теории революции в социально-политических концепциях, в частности тезиса об обязательной экономической детерминации динамики революционного процесса. Теория дестабилизации политических систем дополнилась тезисом об «эффекте Токвиля» как обязательном атрибуте процесса дестабилизации. Содержанием дефиниции «эффект Токвиля» выступает «преувеличение в массовом сознании требований скорейшего разрыва с негативным прошлым и, как следствие, повышенная неудовлетворенность ходом происходящих перемен» [5, с. 371]. Революционные ожидания скорейших радикальных перемен трансформируются в общее недовольство действиями новых правящих элит, которые, по мнению участвующего в революции населения, недостаточно эффективно осуществляют разрыв с условно негативным прошлым. Агрессивная политика средств массовой информации в указанный период приводит к естественному повышению ожиданий от новых властей, которое сменяется разочарованием в отношении апологетов революции с последующим формированием среды для возникновения контрреволюции.

Анализируя динамику революционного процесса, П. Селле подчеркивает, что «основная идея состоит в том, что неожиданный экономический регресс не сопровождается своевременной и соответствующей корректировкой ожиданий. Ожидания продолжают расти, основываясь на предыдущем опыте общественного развития. <...> Следовательно

но, когда разрыв между ожидаемым и реальным уровнями развития достигает определенного предела, вспыхивает революция» [6, с. 371]. Собственно, разрыв между ожиданиями радикальной трансформации общества, сформированными во многом СМИ и революционным массовым сознанием, и реальным состоянием в рассматриваемый период приводит к дестабилизации политического режима.

Немаловажное значение также имеет наличие в конкретном обществе латентных факторов дестабилизации и скрытых неурегулированных социально-политических противоречий. Как отмечает Р. Дарендорф, «чтобы конфликты проявились, должны быть выполнены определенные технические (личные, идеологические, материальные), социальные (систематическое рекрутирование, коммуникация) и политические (свобода коалиций) условия. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, конфликты остаются латентными, пороговыми, не переставая существовать» [7, с. 143]. Определенного рода противоречия и коллизии характерны абсолютно для любого общества, возникает вопрос лишь в конкретных формах и технологиях, которые способствуют тому, чтобы конфликт трансформировался из латентного состояния в открытое. В данном случае, учитывая негативный опыт реализации сценария цветных революций на постсоветском пространстве, эффективным инструментом перехода латентного конфликтного состояния в открытый радикальный политический конфликт выступают средства массовой информации и социальные медиа, которые посредством распространения негативного и провокационного информационного контента оказывают воздействие на поведенческие установки личности, требующие скорейшего разрыва с существующим социальным порядком.

Наглядным примером трансформации латентных факторов скрытой дестабилизации в радикальную фазу политического противостояния является распад СССР и актуализированные в связи с этим вопросы формирования в новых государствах национальной идентичности. Страны постсоветского пространства представляют собой потенциальное конфликтное поле, в котором вопросы национальной самоидентификации и «мягкого» сосуществования в конкретном территориальном пространстве представителей титульной нации и иных этнонациональных групп приобретают первостепенное значение. Конфликт в Приднестровье в 1992 г., война в Нагорном Карабахе 1992–1994 гг., проблема неграждан в Латвии и Эстонии, вооруженное противостояние в Донецкой и Луганской областях Украины в 2014–2015 гг. выступают наглядными примерами неразрешенной проблемы национальной самоидентификации и кризисной формы сосуществования в одном территориальном пространстве разных этносов. Как отмечает в своей работе С. Д. Кавтарадзе, «полиэтнический состав

населения на территории бывшего СССР и нынешних государственно-территориальных образований предопределяет тот факт, что практически любое внутреннее противоречие, любой социально-экономический или политический по своей природе конфликт начинает быстро обретать этническую окраску. Это зачастую углубляет и осложняет противоречия и придает конфликтам манифестный и, как правило, непримиримый характер» [8, с. 78]. Полиэтничность в условиях становления государственности вследствие распада некогда единого федеративного союзного государства выступает фактором конфликтогенного состояния общества. Средства массовой информации во многом провоцируют и стимулируют конфликтную ситуацию в обществе, поскольку новая власть стремится утвердить господство титульной нации и ее превосходство над этническим большинством. Немаловажное значение носит также актуализация в СМИ вопросов пересмотра содержания истории, в частности советского прошлого. В качестве наглядного примера неоднозначного отношения к прошлому выступает акция переноса памятника «Бронзовый солдат» в Таллине эстонскими властями в апреле 2007 г., что привело к массовым волнениям и протестам в Эстонии.

Этнополитические конфликты на территории постсоветского пространства характеризуются содержательной предметно-объектной разнонаправленностью. Для отдельных конфликтов характерно наличие ценностно-ментального противостояния титульной нации и национального меньшинства (проблема неграждан в Латвии и Эстонии, нагорно-карабахский конфликт). Также необходимо отметить противоречия между стремительно возрождающимся национальным самосознанием и консервативной советской идентичностью, присущей преимущественно русскоязычному населению, занятому в промышленном производстве. Как отмечают А. З. Дибиров и Е. В. Белоусов, «на постсоветском пространстве возник и начал разрастаться конфликт между “советской” идентичностью и официальным национализмом пришедших к власти элит, хотя степень развития этого конфликта напрямую зависела и от степени интенсивности националистических устремлений власти, и от степени организованности этнических меньшинств, и от степени полиэтничности общества» [9, с. 141]. В качестве примеров описанной модели идентификационного противостояния можно привести конфликты в Приднестровье (компактно проживающее на прилегающей к р. Днестр территории «промышленно-просоветское» население конфликтует с условной молдавско-румынской национально ориентированной частью общества) и в Украине (победившие в результате Евромайдана национальные элиты противостоят советской ментальности промышленного востока).

Указанные этнонациональные и идентификационные противоречия образуют такую форму социально-политических конфликтов, как конфликт идентичностей. Он представляет собой наличие конфронтационного противоречия между этносоциальными группами относительно права на господствующую самоидентификацию и национальную идею в пределах конкретного территориального пространства. Конфликты идентичности – это новые формы социально политических конфликтов, которые сменили традиционные социально-экономические противоречия и классовую борьбу эпохи классических революций. Как отмечает С. П. Хантингтон, «деление человечества времен холодной войны позади. <...> Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов» [10, с. 90].

Наряду с формированием идентичности в новых независимых государствах постсоветского пространства происходит процесс построения государственности. Развитие идентичности и государственности имеет взаимозависимый характер, поскольку, с одной стороны, формируются государственные и политические институты, составляющие в совокупности конституционно-правовую основу суверенитета государства, а с другой – развитие национальной идентичности, в частности личностной национально-культурной самоидентификации, во многом способствует формированию национального самосознания и национальной идеи, которые выступают ценностно-идеологическим фундаментом устойчивого развития современного государства. Как отмечает А. Турен, «...призыв к идентичности сопровождается обращением к метасоциальному гаранту общественного порядка, в частности, к человеческой сущности или просто к некоей общности, характеризующейся ценностями, каким-либо природным или историческим атрибутом. <...> Национальное государство взывает к гражданственности и, соответственно, к патриотизму в противовес всем социальным, профессиональным и географическим различиям» [11, с. 78]. Также эти процессы взаимосвязаны в контексте кризисного состояния социума. Конфликт идентичностей обуславливает кризис государственности, равно как и несформированное национальное государство детерминирует противоречия между этносоциальными группами.

Как отмечает А. С. Панарин, «...самая большая тайна, ныне скрываемая от нас новой господствующей идеологией, состоит в том, что экономические отношения сами по себе не сплавляют людей» [12, с. 190]. Дифференциация, равно как и экономические отношения, не во всех случаях может выступить источником массовых конфликтов. В указанных контекстах, по мнению С. С. Жильцова, «сплавляет только духовность, общая культура и историческая память, которую сегодня так стара-

ются вытравить из сознания молодого поколения» [13, с. 25]. С. Д. Кавтарадзе пишет: «Национальность, этничность, культурно-религиозная принадлежность являются базовыми элементами самоидентификации индивидуумов и групп и тем самым представляют собой выражение жизненно важных принципов социального существования» [8, с. 197]. Обозначенные позиции исследователей по заявленному проблемному полю выступают формально-логическим объяснением принципиально новой фазы социально-политических противоречий – конфликтов идентичности.

Описанный выше тип конфликта активно используется в настоящее время на постсоветском пространстве. Если на первоначальных этапах функционирования государств бывшего СССР конфликты идентичности были обусловлены полиэтничностью населения и ценностно-ментальными противоречиями новой национальной идеологии и советского жизненного уклада, то в настоящее время можно наблюдать активно инспирируемые извне формы национально-культурной конфронтации. Внешнее давление вместе с негативным информационным воздействием формируют очаги идентификационной конфликтности, что приводит к социально-политическим потрясениям внутри государства, в котором отсутствуют монолитная национальная идея и парадигмальный вектор социально-экономического развития.

Описанная инновационная форма конфликтности предполагает трехсторонний формат участия. Внутри конкретного государства происходят противоречия относительно права на ценностно-ментальное господство определенного варианта содержания национально-культурной идентификации. В свою очередь внешний субъект геополитики активно поддерживает конкретную сторону конфликта, что приводит к его последующей радикализации. В качестве примера можно привести поддержку Рос-

сийской Федерацией сторонников федерализации Украины, что привело к жесткой конфронтации как внутри самой Украины, так и в отношениях между странами. Элементы трехстороннего формата конфликтной идентичности встречаются также в цветных революциях, проходящих в 2003–2010 гг. на постсоветском пространстве, инспирируемых США в рамках реализации внешнеполитической стратегии мягкой силы, и в «пятидневной войне» России и Грузии в августе 2008 г.

Изучая феномен дестабилизирующего воздействия разного рода факторов, была сформулирована гипотеза, в соответствии с которой рискогенным направлением, уязвимым для деструктивного воздействия, выступают ценностные ориентации личности. В соответствии с концепцией культурно-цивилизационного конфликта социокультурных миров С. Хантингтона именно ценности и культурные различия выступают в настоящее время источником инвариантных форм конфликтности. В указанных контекстах приобретают значение не столько ценности в целом, сколько необходимые условия для их реализации. Учитывая описанный выше тезис С. Хантингтона, Центром социологических и политических исследований БГУ была проведена проверка данной гипотезы в рамках научно-исследовательской работы «Разработка комплекса технологий эффективного противодействия дестабилизирующим факторам современного мира для обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь» посредством организации и проведения массового опроса населения. Выборка состояла из 1500 респондентов, проживающих в 94 населенных пунктах страны: большие, средние, малые города, поселки городского типа и села. Отбор населенных пунктов осуществлялся по жребию в каждой из обозначенных групп. Ошибка репрезентативности не превысила допустимый уровень и составила +2,2, показатель недостижимости составил 19 % (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, созданы ли на сегодняшний день в нашей стране условия для реализации перечисленных базовых ценностей?»

Table 1

Distribution of answers to the question: «In your opinion, have conditions been created in our country today for the implementation of the listed basic values?»

Переменные	Ответы				
	Да, созданы в полной мере	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет, не созданы	Трудно сказать определенно
Работа	13,9	32,5	32	16	5,6
Семья	29,2	47,6	14,9	4,1	4,2
Друзья и знакомые	30	49,8	7,6	2	10,6
Досуг	26,7	44,4	18,2	5	5,7
Здоровье	19,8	42,2	24,7	9,6	3,7
Политика	11,6	28,9	23,7	12,5	23,3
Религия	41,7	41,6	6,1	1,1	9,5

Необходимо отметить, что для работы как ценности не всегда создаются определенные условия реализации, что коррелирует с экономическим компонентом протестного потенциала, выявленного в показателях ухудшения материального положения. Соответственно, отсутствие или недостаточность условий реализации в данном случае будет выступать фактором потенциальной дестабилизации. Как отмечает в своей работе «Социология революции» П. А. Сорокин, «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстин-

ктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» [14, с. 272]. Соответственно, если будут отсутствовать каналы реализации ценностных ориентаций, то будут создаваться условные препятствия для изначально латентного, а впоследствии и реального публичного протеста, поскольку отсутствие необходимых условий для реализации ценностей непременно приведет к росту социальной напряженности в обществе. Указанная тенденция эмпирически подтверждается данными, представленными в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Можно ли утверждать, что отсутствие условий для реализации важнейших базовых ценностей влияет на определение избирателями своей позиции в ходе голосования на выборах органов государственной власти?»

Table 2

Distribution of answers to the question: «Is it possible to assert that the lack of conditions for the implementation of the most important basic values influences the determination by voters of their position during the voting in elections of state bodies?»

Варианты ответов	Ответы, %
Да, можно утверждать	39,5
Скорее можно	36,3
Скорее нельзя	5,6
Нет, так утверждать нельзя	7,0
Трудно сказать определенно	11,6

Почти 40 % респондентов согласны с утверждением о том, что отсутствие условий для реализации важнейших базовых ценностей влияет на определение избирателями позиции в ходе голосования на выборах органов государственной власти. Соответственно, в данном случае отсутствие условий влияет не только на электоральные предпочтения, но и на показатели доверия к политическим институтам и власти в целом.

Таким образом, необходимо отметить следующее. В современных условиях развития общества и возрастания спроса на распространяемую в социальных медиа информацию особое значение приобретают вопросы сохранения стабильности общественно-политических систем как гаранта социального порядка в государстве. Анализ социально-политических конфликтов на постсоветском пространстве показывает, что экономический компонент перестал быть обязательным атрибутом детерминации революционного процесса и иных форм

политических катаклизмов. Помимо кризисного состояния экономики для проявления конфликтности в открытых формах достаточно наличия дестабилизирующих факторов, которые посредством ресурса СМИ и иных технологий распространения негативного информационного контента в социальных медиа приводят к дестабилизации общества. К таким факторам относятся завышенные ожидания революционно настроенных индивидов в отношении скорейшего разрыва с прошлым и формирующееся недовольство ходом происходящих перемен, конфликт ценностей и противоречия в отношении национальной идентичности, а также полиэтничность социальных групп. В указанных контекстах приобретают особое значение технологии трансформации латентного состояния имеющихся в обществе противоречий в открытое политическое противостояние, радикальная фаза которого обусловлена во многом агрессивной политикой СМИ в отношении проблемных и дискуссионных вопросов.

Библиографические ссылки

1. Посталовский АВ. Технологии дестабилизации информационного поля средствами сетевой виртуальной медиакоммуникации. *Вестник Мазілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя D. Эканоміка. Сацыялогія. Права.* 2018;1:61–70.
2. Ибрагимов ЛХ. *Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов* [автореферат диссертации]. Москва: Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II; 2016. 28 с.

3. Лиханова ИВ. *Дестабилизация политического процесса как угроза национальной безопасности России в контексте социальных трансформаций* [автореферат диссертации]. Москва: Академия федеральной службы безопасности Российской Федерации; 2010. 25 с.
4. Голдстоун Д. *Революции. Очень краткое введение*. Яковлев А, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2017. 200 с.
5. Наумов АО, Наумова АЮ, Авдеев ВЕ. *«Цветные революции» на постсоветском пространстве*. Санкт-Петербург: Алетей; 2014. 164 с.
6. Селле П. J-кривая Дэвиса. Когда происходят революции? В: Ларсен СУ, редактор. *Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза*. Жукова ЕП, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2009. с. 371–387.
7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. Степанова ВМ, переводчик. *Социологические исследования*. 1994;5:142–147.
8. Кавтарадзе СД. *Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве*. Москва: Экзамен; 2005. 224 с.
9. Дибиров АЗ, Белоусов ЕВ. Война идентичностей. *Вестник института социологии*. 2014;4:127–147.
10. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Велмеева Т, переводчик. Москва: АСТ; 2006. 571 с.
11. Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. Сомарий СА, переводчик. Москва: Научный мир; 1998. 206 с.
12. Панарин АС. *Народ без элиты*. Москва: Алгоритм; 2006. 352 с. Совместное издание с «Эксмо».
13. Жильцов СС. *Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий*. Москва: Международные отношения; 2005. 264 с.
14. Сорокин П. *Социология революции*. В: Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество*. Москва: Политиздат; 1992. с. 266–294.

References

1. Postalovsky AV. The technologies of information filed destabilization by the virtual media communications means. *Vesnik Magiljowskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja A. A. Kuljashova. Seryja D. Jekanomika. Sacyalogija. Prava*. 2018;1:61–70. Russian.
2. Ibragimov LH. *Tekhnologii internet-kommunikatsii kak instrument destabilizatsii politicheskikh rezhimov* [Technologies of Internet communication as a tool of destabilization of political regimes] [dissertation abstract]. Moscow: Russian University of Transport; 2016. 28 p. Russian.
3. Likhanova IV. *Destabilizatsiya politicheskogo protsessa kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii v kontekste sotsial'nykh transformatsii* [Destabilization of the political process as a threat to the national security of Russia in the context of social transformations] [dissertation abstract]. Moscow: Academy of Federal Security Service of Russian Federation; 2010. 25 p. Russian.
4. Goldstone D. *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2013. 168 p.
Russian edition: Goldstone D. *Revolutsii. Ochen' kratkoe vvedenie*. Yakovlev A, translator. Moscow: Publishing House of Gaidar's Institute; 2017. 200 p.
5. Naumov AO, Naumova AY, Avdeev VE. *«Tsvetnye revolyutsii» na postsovetском prostranstve* [«Color revolutions» in the former Soviet Union]. Saint-Petersburg: Aletheya; 2014. 164 p. Russian.
6. Selle P. [J-Davis curve. When do revolutions occur?]. Larsen SU, editor. *Teoriya i metody v sovremennoi politicheskoi nauke: Pervaya popytka teoreticheskogo sinteza* [Theory and methods in modern political science: the First attempt of theoretical synthesis]. Zhukova EP, translator. Moscow: ROSSPEN; 2009. p. 371–387. Russian.
7. Darendorf R. Elements ernes theory des sozialen konflikts. StepanovaVM, translator. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1994;5:142–147. Russian.
8. Kavtaradze SD. *Etnopoliticheskie konflikty na postsovetском prostranstve* [Ethnopolitical conflicts in the post-Soviet space]. Moscow: Examination; 2005. 224 p. Russian.
9. Dibirov AZ, Belousov EV. The war of identities. *Bulletin of the Institute of sociology*. 2014;4:127–147. Russian.
10. Huntington S. *The Clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon and Schuster; 1997.
Russian edition: Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Velimeeva T, translator. Moscow: AST; 2006. 571 p.
11. Touraine A. *Le retour be l'acteur essai de sociologie*. Paris: Librairie Artheme Fayard; 1984. 350 p.
Russian edition: Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii*. Somarii SA, translator. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 206 p.
12. Panarin AS. *Narod bez elity* [People without elite]. Moscow: Algoritm; 2006. 352 p. Co-publishing by the «Eksmo». Russian.
13. Zhiltsov SS. *Neokonchennaya p'esa dlya «oranzhevoi» Ukrainy. Po sledam sobytii* [Unfinished play for «orange» Ukraine. In the footsteps of events]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2005. 264 p. Russian.
14. Sorokin P. [Sociology of revolution]. In: Sorokin P. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat; 1992. p. 266–294. Russian.

Статья поступила в редколлегия 23.01.2019.
Received by editorial board 23.01.2019.